

СЛОВО "ОРДА" имеет в русском языке отрицательную коннотацию. "С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!" — поётся в знаменитой песне. Орда — это жестокое разрушение, тьма, inferно. Поэтому странно выглядят некоторые евразийские теории, согласно которым Русь и Орда становятся чем-то вроде близнецов-братьев. Дескать, мы говорим про Русь-святую, подразумеваем Орду-злую!

Мол, иго и не было никаким игом, а лишь содружеством и созвучием, а князья с удовольствием ездили к ханам получать ярлыки на правление. Другое дело — окаянная Европа, в которой чума с инквизицией и прочие короли-гады, алчные крестоносцы, чуждые помыслы. Деятели, вульгарно понимающие евразийство, постоянно выдают некую антитезу: если не Орда, так Тевтонский орден. Благо, монголы не трогали православие, тогда как тевтонцы насадили бы католичество. А без

да стояли в запустении. Меж тем знаменитые поветрия чумы, уносившие миллионы жизней, приходили с востока, подобно всем иным напастям и морам.

Безусловно, Европа — тоже не Парадиз, но русская культура Средневековья в большей степени европейская, чем азиатская. Точнее, совсем не азиатская! Византия, на которую и равнялась Русь, не что иное, как часть Римской империи. Если говорить о нормальном евразийстве, то оно — противополоствие атлантизму, то есть англосаксонской заразе, где все нити тянутся в Лондон. К слову, Англия никогда

товодов. Их коварство, изворотливость вошли в историю — они умели обещать, но, будучи вероломны по своей природе, обманывали, убивая со спины. Охотник по-другому не выживет, а монгольская степь простирала свои жадные руки всё дальше и дальше.

Собственно, об этом новый фильм режиссёра Константина Буслова "Злой город" (2025). Оборона Козельска! Мы знаем об этом не так уж много: маленькая деревянная крепость защищалась целых семь недель, и за это время было уничтожено около четырёх тысяч монгольских захватчиков. Вот тогда хан Батый и назвал Козельск "злым

Персидский историк Рашид-ад-Дин, самый знаменитый автор по истории монгольских завоеваний, лаконично констатировал: "На этом переходе Бату (Батый) подошёл к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им". Фильм Константина Буслова именно об этом, но, чтобы расцветить историю, были выдуманы персонажи — Ратша, Моргута, Берендей, Весняна, Улыба. Интересен и подбор имён — в те годы ещё вовсю использовались языческие имена, тогда как всех крестили по-христиански, поэтому у человека было как бы два имени. Явлено так же двоеверие — у козельцев есть не

о "Властелине колец". Кстати, в нашем кино полностью утрачена культура саундтрека. Вот сравните советские опыты с их запоминающимися мелодиями и современные, где компьютерную музыку можно легко менять местами и переставлять из фильма в фильм — до такой степени всё похоже.

Из несомненных плюсов — отсутствие карикатурности в изображении врагов. Они величавы и подлы одновременно. Это жизнь. В них отсутствует светливость, их лица резки, обветрены. В то же время нет и опасной эстетизации монгольской армии — авторы прошлись по лезвию бритвы, не расплескав смысла.

Ещё один плюс — манифестация верности князю, который был совсем ребёнком. В летописи говорится: "Козлянь жъ свѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше, яко: "Аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животь свой за ны, и сде славу сего свѣта приимше, и тамъ небесныя вѣнца от Христа Бога приимемъ". Этот фрагмент обыгран в фильме, и герои провозглашают свою готовность умереть за двенадцатилетнее чадо. Прекрасно играет юный артист Митя Махонин — речь его чиста, голос звонок, а движения продуманы.

Всеми актёрами отлично сыграно и то, ради чего создавался фильм, — подвиг людей, изначально обречённых на погибель. Жители Козельска знали, на что идут, отказываясь сдаваться. Впрочем, монголы не пощадили бы никого, даже если бы козельцы открыли ворота города на милость хану. Выбор был сделан в пользу безнадёжного сопротивления. В суровую годину объединяются все: и власть, и народ, и монахи, и лесные разбойники. Все социальные распри забываются перед лицом врага.

Рассказывается и что такое ордынский хашар. Это захваченные в плен мирные жители, которых монголы гнали перед собой. По сути, то был живой щит, которым прикрывались захватчики. Мерзость их не знала предела! Об этом тоже не знают фанаты ордынства? "На месте шумного, людного города Козельска были груды золы и каменных обломков", — писал Василий Ян, и об этом надо помнить.

В фильме очень много боевых сцен, которые поставлены весьма качественно. Великолепны декорации: русский город, ставка хана — всё выполнено со скрупулёзным тщанием. Хороша и операторская работа, без которой любая годная фабула превращается в набор невнятных кадров. Минусы? Пожалуй, слабо прописанные линии героев — всё пунктиром, без особых нюансов.

К сожалению, фильм тоже на один раз — сейчас попросту не снимают "для вечности". Посмотрел, ждётся следующего. Кто сейчас пересматривает неполохую киноработу "Легенда о Коловрате" (2017)? А ведь тоже прошла с триумфом. Однако такие сюжеты очень нужны сегодня, как никогда, и потому всем — смотреть "Злой город".

Галина ИВАНКИНА

СМОТРЕТЬ — ВСЕМ!

О фильме «Злой город»

Кадр из фильма «Злой город» (2025)

этого противопоставления — совсем никак? Почему надо всенепременно быть под кем-то? Что за убого-упадочное настроение? Домонгольская Русь являлась не просто самостоятельным субъектом европейской политики, но и одним из ведущих игроков. Её воспринимали как развитую державу и никак иначе. Другое дело, что Монгольское иго — это печальный итог феодальной раздробленности, когда каждое из русских княжеств было вынуждено сопротивляться в одиночку.

Вообще, надо смотреть по итогам. Монгольское владычество — это стагнация и полное отсутствие перспектив. Пока в той же Европе двигалась вперёд наука (несмотря на инквизицию), Русь, по сути, прозябала в безвестности. Пока во Флоренции да Сиене цвёл проторенессанс, многие русские горо-

не считала себя Европой и была противоположна и враждебна ей.

Что же касается Орды, то была цивилизация-паразит, ничего не создававшая. Она лишь налетала, аки саранча, на развитые центры: восточные, западные — не важно. Орда могла разграбить, изнасиловать, разрушить, но не умела ничего созидать. Её метод — пройтись лихим кочевьем по городам и весям, сметая всё на своём пути. Можно сколь угодно красиво говорить о пассионарности тогдашних монголов, от этого ничуть не легче — они были грабителями и душителями, а русская земля оказалась своеобразным щитом для Европы и её будущих ренессансов.

С другой стороны, монголы не были тупой силой: их отличала величайшая хитрость — это было племя охотников, а не только ско-

городом" — он не ожидал такой самоотверженности от какой-то незначительной точки. Как бы то ни было, крохотный Козельск остановил продвижение ханских войск в сторону северных областей.

ВАСИЛИЙ ЯН в своём романе "Батый" писал: "Сорок девять дней стояли татары под Козельском и не могли ничего поделать с мужественными защитниками города. Ни уговоры, ни обещания, ни угрозы не могли поколебать твёрдости жителей. Наконец под ударами стенобитных машин стены Козельска были проломаны. Горожане пошли на ножи. Они дрались с бесенством отчаяния. Четыре тысячи татар пали в один день. Рядом с ними полегли защитники Козельска. Бату-хан приказал вырезать всех без жалости, не оставив ни жён, ни младенцев".

НАШИ СЕМИДЕСЯТЫЕ годы, которые ещё и ведают не ведали, что они будут именоваться "застоем", — в почтовом ящике журнал "Вокруг света" (1972, № 5) с началом "Неукротимой планеты" Гарри Гаррисона (перевод с английского Льва Жданова, но кому тогда это было интересно?). Вроде бы далёкое будущее человечества, в котором межзвёздные перелёты стали такой же обыденностью, как рейсовый автобус из районного центра, но нет ничего от не так давно обещанной партий и правительства коммунизма. Вообще ничего. Теперь даже недоумевашь,

ПРОБЛЕМА В ТОМ, что понятие "вершин" в научной фантастике вообще весьма условно. Прежде всего — из-за того, что этот жанр литературы и, соответственно, его хронотоп — не вполне искусство, в нём главная роль отводится не художественным образам и их системам, а моделям, которые подвергаются, можно сказать, принудительной эстетизации вместе с нереальным пространством-временем, в котором они помещаются. То, что научная фантастика тесно связана с наукой как "системой объективных знаний о природе, человеке и обществе" и ориен-

рического опыта и, при определённом масштабе изменений социально-культурных условий, вообще начинает "сыпаться", саморазрушаться, что мы также имеем возможность наблюдать в последнее время.

Гарри Гаррисон в своём литературном творчестве пытался по всем доступным направлениям отстоять пафос глобальной научно-технической революции (НТР) как таковой, в том числе не допустить трансформации жанра научной фантастики в жанр "фэнтези", где научные допущения и гипотезы, а также возможные

го мира будущего на основе американизированной западной цивилизации, в которой "армия — это фашистское государство, которое защищает государство демократическое", со всеми его вероятными достоинствами и недостатками, благополучно скончался с введением внутри США чрезвычайного положения после "терактов" 11 сентября 2001 года, но было время, когда он привлекал множество людей по всему миру, в том числе и в нашей стране, не имевшей ничего против "конвергенции с развитыми цивилизованными странами мира" и ступившей было на этот путь. Литературное творчество Гарри Гаррисона, как и ряда других американских и вообще западных писателей-фантастов с их предлагаемым набором "моделей будущего", сыграло здесь свою, далеко не главную, но всё же важную и заметную роль. Но модели, и даже образы — не образы. Как говорится, покойтесь с миром!

И да, в произведениях Гаррисона 60-х–70-х годов, конечно же, присутству-

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

К 100-летию американского фантаста

как подобная публикация — хотя произведения этого автора к тому времени уже активно печатали года четыре, не меньше, — могла появиться в журнале, выходящем под эгидой ЦК ВЛКСМ в издательстве "Молодая гвардия" более чем двухмиллионным тиражом?

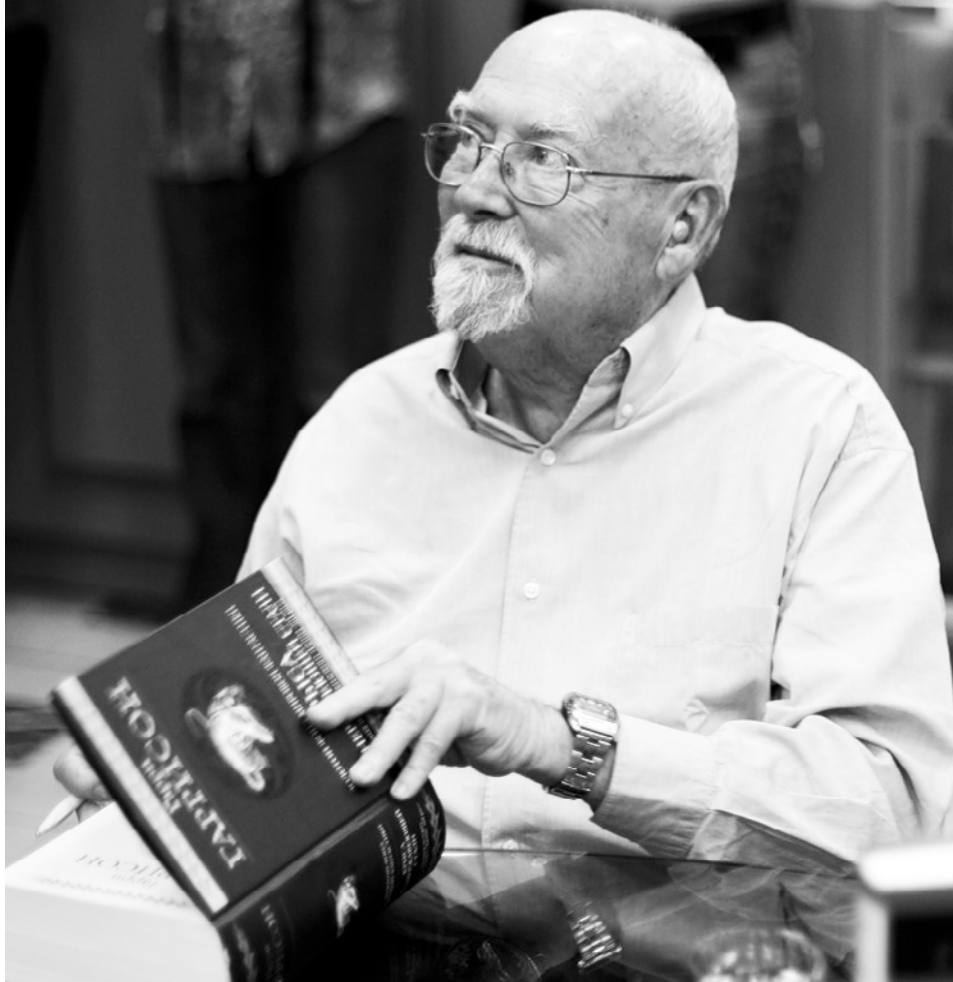
Американцы уже "первыми успешно высидели на Луне" и сделали это неоднократно? Президент США Никсон встречается с лидером СССР Брежневым в Москве? Политика разрядки и мирного сосуществования двух различных общественно-политических систем "начинает свой разбег"? Сообщества разумных существ (или разумные сообщества неразумных существ) всегда могут по-хорошему договориться между собой и добросовестно исполнять взаимовыгодные договоры, а не вести бесконечную войну на уничтожение, не так ли? Рассказ "Последнее сражение" уже был написан, до очередного "давайте просто воевать" (как сказал Борис Джонсон в бытность его премьер-министром Великобритании, 2022) оставалось ещё около полувека...

Нынешний юбилей известного американского (всё-таки американского, хотя большую часть своей долгой жизни он провёл вне пределов США) писателя-фантаста даёт повод поговорить не только о нём и его творчестве, но также о феномене научно-фантастической (и "просто" фантастической) литературы вообще плюс об американской фантастике в контексте американской культуры. В каком-то отношении Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) являлся тем исключением из правил, которое само это правило подтверждает. "99% всех известных фантастов... пишут даже не дерьмо — хуже дерьма!", — а ведь правило, для того чтобы признаваться и считаться правилом, достаточно быть действительным в 50% + 1 случае, даже две трети — это уже не простое, а квалифицированное большинство. 99% — большинство уже абсолютное, откуда следует, что сам писатель отослал себя даже не к квалифицированному, а к сверхквалифицированному абсолютному меньшинству своих собратьев по перу, хотя и сам, по распространённому среди читателей (не только русскоязычных) мнению, тоже "зачастую писал ниже уровня собственного таланта". Вопрос: по каким точкам нужно проводить линию такого уровня? По "вершинам" или по некоей "медиане" из пяти десятков романов и повестей и трёх сотен рассказов, написанных этим автором?

тирована на неё, подтверждается тем бесспорным обстоятельством, что этот жанр получал наибольшее развитие там и тогда, где и когда получала наибольшее развитие наука. И раз уж США в ходе и по итогам Второй мировой войны (начавшейся по факту гораздо раньше официальной даты 1 сентября 1939 года) адсорбировали цвет всей мировой (тогда — преимущественно европейской) науки, то взлёт американской научной фантастики с десятками "имён первой величины" как раз в этот период — взглядит естественным и неизбежным — как и закрепление Соединённых Штатов в роли "глобального лидера" человеческой цивилизации второй половины XX — начала XXI века. Фантастика же выступает в качестве комплекса ещё нереализованных возможностей, вытекающего из этой системы объективных знаний.

В американском случае ситуация усложнялась ещё и тем обстоятельством, что в этом "плавильном тигле" изначально не было достаточной объёмной и массовой доли фольклора, который так и не "добрался" вследствие смещения этнических процессов коренного населения территории США (различных племён американских индейцев), европейских переселенцев, африканских рабов, а затем ещё метисизированных "латиносов" Центральной и Южной Америки. Поэтому фольклорное пространство Соединённых Штатов заполнили соответствующие гибридные персонажи типа Микки Мауса, Дональда Дака, Супермена, Человека-паука и так далее. В полном соответствии с рассказом Корнея Чуковского о ребёнке, которого мать — советский педагог пыталась полностью изолировать от "вредных" народных сказок: "Её маленький мальчик, словно в отместку за то, что у него отняли сказку, стал с утра до ночи предаваться самой буйной фантастикой. То выдумает, что к нему в комнату приходил с визитом красный слон, то будто у него есть подруга — медведица Кора; и, пожалуйста, не садитесь на стул рядом с ним, потому что — разве вы не видите? — на этом стуле медведица..." и так далее.

В США подобный эксперимент стал делом большой индустрии: сначала издательской и кинематографической (включая мультипликацию), затем компьютерных игр — и этот процесс, судя по всему, далеко не закончен, он ещё будет продолжаться, формируя "дополненную реальность". Иное дело, что внедряемая таким образом "матрица" социального поведения на всех своих уровнях не имеет достаточно устойчивой архетипической основы, исто-

следствия из них уступают место необъясняемым и принципиально необъяснимым чудесам и магии. В этом отношении весьма показательна даже не единственная прижизненная экранизация его прозы (фильм-антиутопия "Зелёный сойент" 1973 года по роману "Подвиньтесь! Подвиньтесь!" 1967 года), где человечество, успешно исчерпав все ресурсы Земли, занимается самоуничтожением, а рассказ "Улицы Ашкелона" (1962), где миссионер пытается проповедовать учение Христа... инопланетянам.

Тот вариант либерального однополярного высокотехнологичного и бесконфликтно-

ет неисчислимое множество примет того времени, для будущего — явных анахронизмов типа бумажных "кредитов", билетов на звездолёты, перфокарт для ЭВМ или общества, построенного из железобетона и нержавеющей стали, а на универсальном языке будущего как дальнем потомке любимого писателем эсперанто можно будет, как представляется, разве что заказывать пиво. Но вряд ли в том британском доме для престарелых, где 15 августа 2012 года одиноким американский писатель-фантаст скончался на 88-м году жизни, подавали пиво.

Георгий СУДОВЦЕВ

ПАЛАМАРЧУК

Певец Москвы

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте [завтра.ру](#). Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

В МОСКВЕ на Фрунзенской набережной у здания российского Министерства обороны установлены две скульптурные группы, одна из которых посвящена героям фильма "Офицеры" (1971). Петра Георгиевича Паламарчука (20 декабря 1955 г. — 14 февраля 1998 г.), сына Героя Советского Союза и внука дважды Героя Советского Союза, вполне можно было бы считать реальным "двойником" запечатлённого в киноленте и воплощённого в бронзе мальчика-суворовца, чей образ (и образ его рода) полностью описывается словами: "Есть такая профессия — Родину защищать". Только война, которой Пётр Паламарчук посвятил себя, носила прежде всего духовный характер. В этой войне за Русь православную он не ведал ни отдыха, ни покоя, в непрерывном бою за неё он, можно сказать, и отдал свою жизнь.

Выпускник МГИМО, Пётр Паламарчук, помимо истовой увлечённости отечественной литературой и историей, образованной и усиленной его религиозными убеждениями, был ещё и правоведам-международником, кандидатом юридических наук, специалистом по Арктике и ядерному оружию. А все его писательские творения, от первой опубликованной и получившей широкое признание повести "Един Державин" до последнего романа "Нет. Да." представляют собой не просто, как отмечали критики, "беспрецедентную попытку создать средствами художественного слова некий всеобъемлющий путеводитель по отечественной истории", но и поиск ключей к закрытым, запечатанным — в том числе изнутри, как, например, в случае с Н.В. Гоголем — её дверям. Его работа-способность казалась неисчерпаемой, как и его жизнелюбие.

В предисловии к сборнику художественных произведений Петра Паламарчука "Свиток" (2000), уже неоднократно переизданному, один из виднейших иерархов Русской православной церкви Тихон, ныне митрополит Симферопольский и Крымский, характеризует своего духовного соратника как "убеждённого поборника симфонии Церкви и Державы Российской, ревностного патриота и глубоко верующего православного христианина", в чьём литературном творчестве соединялись объективность летописца, учёность историка и талант писателя.

САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ работой Паламарчука были и остаются "Сорок сороков", этот "труд-подвиг", занявший у него почти двадцать лет и изданный в четырёх томах — сначала, в 1988–1990 годы, в Париже, а затем, в 1992 году, и в Москве, последнее издание, исправленное и дополненное, вышло в 2004–2005 годы, — где описаны более восьмисот храмов "первопрестольной". Прежде всего русские православные церкви, но также инославные и иноверческие: старообрядческие, армяно-григорянские, римско-католические, евангелистско-лютеранские церкви, мечети, синагоги и даже караимская кенаса. Это характерно: патриотизм Паламарчука, имевшего родовые малороссийские корни (ярко описанные им в книге сказаний "Козащие могилы"), не носил какого-то национально-этнического характера — он был вполне имперским. Чем объясняются не только книги Паламарчука о Колчаке и Врангеле, но и его подпись под "Письмом 74-х" — этим протестом против "либеральной" русофобии и развала страны, направленным русскими писателями властям СССР на исходе горбачёвской перестройки.

"Коммунистическую", а по сути троцкистскую трактовку отечественной истории, согласно которой та по-настоящему началась только с 1917 года, Паламарчук воспринимал как оскорбление прежде всего собственного бытия. "Медленное убийство знаменитого красавца Макарьевского монастыря, обречённого через год-другой превратиться в мёртвый "подтопленный" остров среди водохранилища. Вместо же белых храмов, прежде непременно видимых во всякое мгновение с воды путешествующему — они как бы передавали его с рук на руки, бережно охраняя, — зияют под обезглавленными луковичами лишь выколотые очи окон и мычат ветер из вырванных уст колоколен. Здесь явно прошла орда, только уже не извне, а изнутри русского общества, науськанная "носителями передовых идей", — писал он в одной из своих статей 1990 года. И уж куда большим оскорблением считал "либеральную" трактовку, согласно которой нынешняя "новая Россия" родилась только в 1991 году.

Самым главным и опасным внешним врагом русского православия он, по родовой памяти и профессиональному знакомству с историей крестовых походов и уний, включая Брест-Литовскую унию 1595 года, считал католическую церковь. "Упорное, героическое противостояние Руси насильственным попыткам Рима подчинить её себе давно и по праву считается выдающимся достижением в духовной жизни Московского государства", — писал Паламарчук в своей книге "Москва или Третий Рим?". Нынешняя беда с "незалежной" Украиной доказывает, что его точка зрения как минимум не была лишена оснований.

Владимир ВИННИКОВ